

Конфликт разрешился сам собой: хулиганы, завидев достойный повод ретироваться, подхватили своих побитых товарищей и позорно скрылись в сумерках. Лу Юньпин, дождавшись, пока они отойдут на безопасное расстояние, тяжело оперся на плечо Ли Хуэя, жадно хватая ртом воздух. Ли Хуэй бесцеремонно обхватил его лицо ладонями, заставляя поднять голову.

— Живой? — коротко бросил он.

Юньпин лишь мотнул головой и, припадая на одну ногу, доковылял до брусьев. Ли Хуэй молча последовал за ним. Они опустились на корточки, собирая разлетевшиеся по земле тетради и учебники. Когда они выпрямились, на стадионе почти никого не осталось — лишь трудовой сектор их класса замер неподалеку с зачетной книжкой в руках.

— Лу Юньпин, ты как? — несмело подал голос парень. — Может, учителю сказать?

Юньпин не успел и рта открыть, как Ли Хуэй отрезал:

— Не лезь не в свое дело.

Тот невольно поежился под его тяжелым взглядом. Еще бы — сцена с кирпичом, едва не раскроившим голову, произвела на обычных школьников неизгладимое впечатление. Юньпин неловко протянул парню метлу:

— Забудь. Меньше знаешь — крепче спишь. Это просто шпана, учителя с ними всё равно ничего не сделают. Занеси это в инвентарку, ладно? Спасибо.

Когда они вышли со стадиона, город уже окончательно утонул в темноте. Велосипед Ли Хуэя валялся у стены — брошенный в спешке, без замка. Ли Хуэй поднял его и, не садясь, покатыл рядом.

— Кто тебе сказал? — не удержался Лу Юньпин.

— Ши-тоу, — Ли Ши, одноклассник и преданная тень Ли Хуэя. — Он хотел вмешаться, но узнал кое-кого из той шайки, так что лезть побоялся. Прибежал за мной.

— Я так понял, они за Ван Синь впряглись, — пробормотал Юньпин.

Ли Хуэй резко повернулся, в его взгляде мелькнуло неприкрытое раздражение.

— На кой черт ты хранишь её письма?

— Кто хранит-то?! — вскинулся Юньпин. — Это ты их принимать отказался!

Ли Хуэй поджал губы. Его рука на мгновение оторвалась от руля — казалось, он сейчас отвесит другу затрещину, но в последний момент он сдержался.

— Я сказал тебе их выбросить, а не прятать. Видишь, какую кашу заварил.

— Да пошел ты! — вспыхнул Юньпин. — Это всё из-за того, что ты её игноришь. Девчонка взбесилась и натравила на меня своих псов. Слышь, Ли Хуэй, я вообще-то из-за тебя огреб!

Он говорил слишком быстро, и сорванная кожа на губе тут же отозвалась резкой болью. Юньпин зашипел, хватаясь за челюсть. Ли Хуэй хотел было съязвить в ответ, но, глянув на его перекошенное лицо, промолчал.

— Оставь свой велик здесь, — наконец произнес он. — С такой хромотой ты далеко не уедешь. Садись на багажник, отвезу тебя к себе. Подлатаем раны, а то дома мать тебя в таком виде не погладит.

Лу Юньпин обиженно засопел, но на сиденье взобрался.

— Ну, хоть капля совести у тебя осталась.

— Радуйся, что ты сейчас такой жалкий, — буркнул Ли Хуэй, налегая на педали. — Иначе я бы тебя сам доломал.

В жилой квартал они въехали кружным путем, чтобы не дай бог не пересечься с матерью Юньпина. Лу Юньпин бывал у друга не раз, так что привычно взбежал по лестнице и забарабанил в дверь. Тишина. Ли Хуэй поднялся следом, не спеша выуживая ключи.

— Не стучи. Матери нет, иначе я бы тебя сюда и на порог не пустил.

— Тётя Ли снова в ночную?

— За ночные надбавка больше, — сухо бросил Ли Хуэй, открывая замок.

Квартира встретила их скромным уютом девяностых. В те годы пределом мечтаний считались громоздкие стенки-горки, которые отец Юньпина уже давно успел раздобыть, но здесь стоял лишь простенький белый комод — говорили, купленный на пособие по потере кормильца. Вся остальная мебель была старой, кустарной работы, а на кухне монотонно гудел однокамерный холодильник марки «Сюэхуа».

Ли Хуэй скинул куртку, вымыл руки и поставил чайник, мимоходом заглянув в недра холодильника. Юньпин тем временем по-хозяйски развалился на диване перед телевизором. Вскоре Ли Хуэй вернулся, неся в одной руке спирт, а в другой — пузырек с йодом. Глянув на друга, он поморщился:

— Снимай шмотки, грязи-то сколько.

Юньпин стянул куртку и брюки, оставшись в трико и растянутой домашней кофте. Ли Хуэй присел рядом и бесцеремонно обхватил его голову, поворачивая к свету.

— Может, мне умыться сначала?

— Не вздумай мочить. Дай посмотрю.

Ли Хуэй ловким движением извлек рулон туалетной бумаги.

— Бинты кончились, обойдемся этим.

— Ладно, делай что хочешь.

Смочив клочок бумаги спиртом, Ли Хуэй буквально припечатал его к лицу Юньпина. Тот дернулся, по комнате разнеслось яростное шипение.

— Эй! Ты меня заживо решил забальзамировать?! Это больнее, чем те зуботычины! Дышать нечем, спирт в нос бьет!

— Меньше болтай и не вертись. Не припрятал бы чужое письмо — не сидел бы сейчас здесь. Сам виноват.

Оставив другу только щелочки для глаз, Ли Хуэй сосредоточенно продолжал свою «экзекуцию». Юньпин готов был на стену лезть от жгучей боли, и только остатки гордости удерживали его от того, чтобы начать кататься по дивану.

— Долго еще? Я никогда не видел, чтобы так раны обрабатывали.

Ли Хуэй замер, пристально глядя на него. В глазах читалось затаенное раздражение.

— Ты что, в Ван Синь втрескался?

— С дуба рухнул?! — взвился Юньпин. — Кто тебе такое сказал?

— Да брось ты юлить. В школе все только и шепчутся, что ты за ней бегал, за что и получил.

Юньпин вскочил, забыв о боли. Для подростка тех лет признание в любви было делом щекотливым, но слухи о том, что его «отшили» силой, били по самолюбию наотмашь.

— Да что я скрываю-то?! Если бы она мне нравилась, стал бы я тебе её письма вслух зачитывать? Откуда вообще эти бредни?

Глядя на то, как Юньпин в сердцах нарезает круги по комнате, Ли Хуэй невольно усмехнулся.

— Да ладно тебе, нравится и нравится. Матери твоей не сдам.

Юньпин издал такой протяжный стон, будто его снова начали бить, и чуть не рухнул перед другом на колени.

— Да с чего ты взял-то?! У неё же, кроме... — он выразительно обрисовал руками в воздухе пышные формы и тут же густо покраснел. — Короче, ничего в ней нет! К тому же она из этих, отбитых. Как там в книжках пишут? Держаться на почтительном расстоянии!

Ли Хуэй вскинул голову:

— Серьезно?

— Серьезнее некуда!

— И что... — Ли Хуэй повторил жест руками у груди. — Даже это не прельщает?

— Да на кой оно надо? Корова дойная, а не девчонка!

Ли Хуэй жестом велел ему сесть и начал осторожно снимать бумажную маску. Юньпин почувствовал, как напряжение уходит, а в глазах друга промелькнула едва заметная, теплая смешинка. Что-то в этом было не так, но Юньпин не мог понять, что именно. Осмотрев «фронт работ», Ли Хуэй вынес вердикт: кроме разбитой губы и пары сочных синяков на скулах, всё было в норме.

— Задирай кофту.

Ли Хуэй прощупал его ребра.

— Если больно — ори. Учиться тебе еще и учиться: когда бьют толпой, лицо и живот надо прятать, в комок сжиматься. А спина и задница — черт с ними, перетерпишь.

— Да я растерялся как-то... не до тактики было.

— Сразу видно — маловато тебя лупили. Валялся в грязи прямой и неподвижный, как полено. Я уж испугался, что ты там задохнулся.

— Да я вообще ничего не чувствовал.

Закончив осмотр, Ли Хуэй ушел на кухню и вернулся с миской горячего яичного супа.

— Ну, и как оно — быть битым в первый раз?

Юньпин уставился в телевизор, прихлебывая бульон.

— Да никак. Просто вспомнил твои слова про то, как красиво листья в грязи отпечатываются. Вот и думал: интересно, моя физиономия там тоже след оставила? Красиво хоть вышло?

<http://bllate.org/book/17478/1693709>